К утру Мэриджун вернулась к своему обычному настроению. Она всё чаще и чаще звала Виолетту, когда та направлялась в столовую, а потом шла рядом с ней по коридору.

Это не меняло того, как Виолетта чувствовала себя неловко с Мэриджун, но каждый раз, отвечая на её каждодневную верность, Виолетта чувствовала себя в высшей степени опустошённой. Было ли это из-за её защитных инстинктов, она чувствовала, что Мэриджун умело сделала так, чтобы разговор между ними теперь шёл гладко?

Как обычно, у Виолетты не осталось никаких впечатлений от еды, кроме вкуса, но это не было чем-то особенным, поскольку так было с самого детства. Даже если одинокая трапеза превратилась в счастливый семейный ужин, она чувствовала себя ещё более неуютно из-за растущего количества людей.

Желание ревновать к трём людям, окутанным такой мягкой атмосферой, давно угасло.

Не обращая внимания на болтовню остальных, Виолетта наслаждалась завтраком в одиночестве. Еда, которая всегда соответствовала вкусам Виолетты, всегда излечивала её от одиночества в этом большом особняке, хотя и ненадолго. Тем не менее, было совершенно верно, что вкусная еда заставит её сердце чувствовать себя намного лучше.

— Точно, Онее-сама. Почему бы нам сегодня не выпить чаю вместе?

— Эх…

— Есть много вещей, которые я хочу тебе рассказать, так как насчёт встречи в моей комнате?

Вероятно, Мэриджун решила разобраться с мыслями Виолетты в тот день вместо неё. Виолетта прекрасно понимала, что Мэриджун часто придумывает себе много всякого, она не хотела лезть в её жизнь. Хотя девушка имела склонность поступать праведно, её образ мыслей не был таковым.

Виолетта подумала, что тот факт, что девушка обдумала её слова и хотела обсудить их, был замечательным. Независимо от исхода, возможность учитывать мнения, отличные от тех, в которые она верила до сих пор, окажет положительное влияние на Мэриджун.

Но это была только часть истории Мэриджун, и с точки зрения Виолетты, она просто хотела сказать, что должна сделать это где-то в другом месте.

— Извини, но у меня сегодня назначена встреча….

Это не было ложью. У неё уже было обещание на сегодня, и из-за политики Виолетты, что ранее запланированная помолвка должна быть приоритетной, она совсем не чувствовала себя виноватой.

И всё же чувство вины, вызванное желанием отказать ей, было похоже на чувство вины ребёнка, который хочет сделать перерыв в учёбе, притворившись больным. Даже если бы она ничего не обещала, она не могла отрицать, что могла бы отказать ей, используя какую-то причину.

К счастью, сегодняшнее расписание было заполнено ещё вчера. Неважно, что она чувствовала, у Мэриджун не было причин винить её... или, по правде говоря, так и должно было быть.

— А ты не можешь изменить своё расписание ради младшей сестры?

В тоне слышались отвращение и презрение. Виолетте показалось, что тот, кто это сказал, ещё больше нахмурился, и когда она увидела его перед собой, то поняла, что не ошиблась.

— Должна ли ты отдавать предпочтение своему плану, а не семье?

— Вот именно...

Причина её нерешительности в ответе была не в том, что слова отца были правильными. Напротив, она хотела предостеречь себя, чтобы не опровергать его словами: "Ты в положении, чтобы говорить это?”

Она не хотела слышать слово "семья" от этого человека. Она не могла поверить, что эти слова были произнесены человеком, который когда-то бросил свою жену и игнорировал свою дочь. Если бы он решил изменить себя, разве не мог бы он проявить хоть немного доброты к ней сейчас?

На самом деле, это было только доказательством того, что в его семье не было Виолетты.

Высшим приоритетом в мире её отца, несомненно, были Мэриджун и его жена. Роль старшей дочери, которую он изначально должен был принять с радостью, вероятно, была всего лишь удобной сестрой, которая отказалась от всего ради Мэриджун.

Это был не первый раз, когда температура тела Виолетты резко упала, и её сердце, казалось, медленно умирало.

Например, когда наступило утро и некому было поздороваться с ней.

Например, когда она ела одна в большой столовой.

Например, когда её мать шептала ей о своей одержимой любви.

Тепло покинуло каждую часть её тела, от головы до ног, даже пальцы стали ледяными. Это было до такой степени жутко, что глубины её сердца потеряли свою температуру, и её кровь перестала течь сама по себе.

Она испытывала это много раз с давних пор. Хотя с тех пор, как появилась Марин, это стало меньше, она всё равно чувствовала, что это происходит каждый день.

Приятный вкус, который должен был быть здесь ещё некоторое время назад, улетучился в одно мгновение, и её предвкушение послевкусия больше не было очевидным.

— О, отец, не говори так. Ничего не поделаешь, если она пообещала своё время кому-то другому... прости, что внезапно пригласила тебя, Онее-сама.

— ...Мне очень жаль, Мэриджун.

— Онее-сама не должна извиняться! Но могу я пригласить тебя ещё раз попозже?

— Да... я буду ждать.

— Да!!

Эта улыбка сияла без малейшего беспокойства. Значит ли это, что Мэриджун знает о Виолетте и её отце?

Вполне естественно, что Виолетта отдала предпочтение своему обещанию. Даже если отец критиковал Виолетту, она воспринимала это так, словно отец просто бранил её и сочувствовал ей.

Её мыслительный процесс был покрыт сахаром и сиропом и вырос в прекрасном цветнике до такой степени, что она думала, что кротовая нора - это гора. Это была определённо доброжелательная женщина, нежная и красивая.

Для кого-то, кто столкнулся с таким количеством невзгод в детстве, Марин чувствовала, что это было не что иное, как что-то, что вызывало у неё тошноту до рвоты.

Марин отчаянно держалась, чтобы не выдать своего смущения. Её ладони уже вышли за пределы боли и потеряли чувствительность, но если она ослабит свою силу, то почувствует, что сейчас ударит кого-то.

Марин смотрела на спину своего важного хозяина, который сидел по диагонали перед ней. Ей хотелось обнять её в ответ прямо сейчас и увести из этой комнаты. Она не хотела, чтобы эти люди были даже на краю поля зрения Виолетты.

Но если она так поступит, эти глупцы точно будут держаться подальше от Виолетты. Было бы хорошо, если бы она перестала быть её личной горничной, но если бы её выгнали из особняка, эта девушка действительно осталась бы одна. И эти глупцы с жадностью пожрут её сердце.

Так как Марин не могла этого вынести, она отчаянно трансформировала свои мысли в беспокойство о Виолетте.

Правильная поза Виолетты ничем не отличалась от обычной. Она была той же самой девушкой, которая была красивее всех, прекраснее всех.

Вот почему у неё болело сердце.

Марин знала, что для Виолетты это было сущим пустяком. Это будет больно и печально, но она привыкла к этому.

Как и думала Марин, Виолетта уже привыкла к этому. Независимо от того, каким существованием она была среди них всех, она не чувствовала ничего, кроме реальности. Даже если ей скажут, что она незнакомка, она ответит: — Верно? - или, вернее, убедиться в этом утверждении.

Виолетта продолжала молча есть, вытерла чистый рот перед пустой тарелкой и встала со своего места.

— Виолетта.

— ...Да.

— Ты не одинока. Пересмотри свою свободу до сих пор и позаботься о своей младшей сестре немного больше.

— ...Я приму это к сведению.

Виолетта медленно опустила голову и вышла с Марин из кухни.

Она боролась с желанием задрать юбку и побежать, с желанием сделать это прямо сейчас, и в конце концов добралась до своей комнаты более медленными шагами, чем обычно.

— Виолетта-сама,

До её слуха донёсся звук, похожий на плач. Это была Марин, но не её обычный голос. Её голос дрожал и был мрачен, как будто она собиралась заплакать. Виолетта задалась вопросом, что

случилось с её безразличным тоном, и обернулась, только чтобы увидеть выражение лица Марин, также похожее на то, что она собиралась заплакать, так же как и её голос.

— Виоле… сама.

— Марин.

— Вио… са…

— Спасибо, Марин… я в порядке.

Каждый раз, когда Марин стискивала зубы, чтобы не заплакать, её слова частично исчезали.

Было ли ей грустно или больно, или она была настолько зла, что ей хотелось плакать? Конечно, все эти чувства циркулировали в сердце Марин, текли через её кровь.

Обычно Марин была настолько хладнокровна, что почти не проявляла эмоций. Виолетта рассмеялась, увидев, что такая служанка обиделась за неё. На самом деле, это было трудно назвать улыбкой, и она не могла смеяться.

Тем не менее, оставшиеся маленькие белые эмоции, которые не были поглощены её потемневшим сердцем, превратились в энергию, чтобы улыбнуться её привязанности к Марин.

Говоря Марин… а также самой себе, что с ней всё в порядке, Виолетта погладила её по голове, хотя та уже была выше её самой.

Отец сказал ей, что она не одна.

Её голова словно кипела. В одно мгновение её сердце почернело.

Ей хотелось громко закричать и приказать ему умереть.

В этот момент голова Виолетты была переполнена негодованием и гневом до такой степени, что она, скорее всего, повторит свои ошибки.

Она не могла простить ему этих слов.

Как долго она мечтала об этих словах, о том, что она не одна? Сколько раз её сердце останавливалось из-за этих слов?

Марин и Юран успокаивали её, повторяя это снова и снова.

Она всё время была одна. Она была одна в этом одиночестве.

Она снова и снова протягивала руку, пытаясь прорезать небо в этом большом доме. Хотя она уже знала, что никто не удержит её руку, даже не нуждаясь в том, чтобы кто-то сказал это, она плакала, призывая кого-то, у кого даже не было имени. Однажды она тоже забыла плакать и даже перестала звонить.

Рядом с ней осталась Марин. Юран, который был вместе с ней. Эти двое сказали ей, что она будет не одна.

Эти слова были очень, очень важными словами, которые спасли одинокую и безнадёжную Виолетту.

Виолетте хотелось швырнуть в него тарелкой, сказать, что он произнёс эти прекрасные слова только из-за обстоятельств. Что такие, как он, не годятся для этих слов.

Она была действительно рада, что рядом с ней не было ничего, что она могла бы бросить в это время. Она почувствовала облегчение, вспомнив себя в прошлой жизни, прежде чем обругать его, и эти мысли странным образом прояснились в её голове.

Чувства, поднявшиеся в её голове, рассеялись, как только она успокоила Марин. Тепло вернулось к её холодным пальцам. Однако сказать, что её настроение вернулось к прежнему, было бы преувеличением.

Она знала, что злиться бессмысленно. Даже если она станет эмоциональной, ничего не изменится.

Её не простят за то, что она бросала в него вещи, потому что это было неприемлемо.

То, что опутывало всё её тело, было сдерживающим фактором, который не давал ей сбежать из этого места, и это была также цепь, которая говорила им не подходить к ней ближе, чем сейчас.

http://tl.rulate.ru/book/20460/763147